

© Совет Европы/Европейский Суд по правам человека, 2012. Суд не несет ответственность за содержание настоящего краткого изложения. Более подробная информация содержится в полном указании об авторских правах в конце документа.

© Council of Europe/European Court of Human Rights, 2012. This translation does not bind the Court. For further information see the full copyright indication at the end of this document.

© Conseil de l'Europe/Cour européenne des droits de l'homme, 2012. La présente traduction ne lie pas la Cour. Pour plus de renseignements veuillez lire l'indication de copyright/droits d'auteur à la fin du présent document.

Информационный бюллетень по прецедентной практике
Европейского Суда № 130

Май 2010

Кононов против Латвии [Kononov v. Latvia] (жалоба № 36376/04)

Постановление от 17.5.2010 [Большая Палата]

Статья 7

Пункт 1 статьи 7

Без закона нет преступления

Обвинительный приговор, вынесенный на основании законодательства, принятого в 1993 г., за военные преступления, совершенные во время Второй мировой войны: *нарушение не установлено*

Обстоятельства дела – В июле 1998 г. заявителю было предъявлено обвинение в совершении военных преступлений, вытекающих из инцидента, имевшего место более пятидесяти лет назад во время Второй мировой войны, когда он был членом советского спецподразделения Красных партизан. Обвинения были предъявлены в соответствии со статьей 68-3 Уголовного кодекса 1961 Латвийской Советской Социалистической Республики, нормой, устанавливающей ответственность за совершение военных преступлений, которая была включена в кодекс Верховным Советом Латвии ССР 6 April 1993 г., после обретения Латвией независимости. Коллегия по уголовным делам Верховного Суда Латвии признала заявителя виновным в совершении ряда военных преступлений и, ввиду его возраста и слабого здоровья, приговорила его к 20 месяцам лишения свободы. Согласно фактам, установленным латвийскими судами, 27 мая 1944 г. в деревню Малые Баты (которая находилась под управлением немцев) с акцией возмездия вошел отряд красных партизан под руководство заявителя после того, как получил информацию о том, что некоторые жители выдали ранее немцам другую группу партизан. Члены подразделения вошли в деревню, будучи одетыми в немецкую униформу, и найдя винтовки и гранаты, выделенные немецким командованием, подожгли несколько зданий и убили девять жителей деревни, включая трех женщин, одна из которых находилась на последнем сроке беременности. Ни один из убитых не был вооружен и не предпринимал попыток к бегству или сопротивлению. Согласно утверждениям заявителя, жертвами нападения стали коллаборационисты, которые передали группу

партизан в руки немцев тремя месяцами ранее. Его подразделение было проинструктировано временным партизанским трибуналом схватить лиц, причастных к выдаче партизан, с тем, чтобы они могли предстать перед судом, сам заявитель не руководил операцией и не входил в деревню.

В своем обращении в Европейский Суд заявитель жаловался на то, что деяния, в совершении которых он обвинялся, не являлись в момент их совершения преступлениями ни по национальному, ни по международному праву. Он также утверждал, что в 1944 г., как молодой солдат боевой ситуации перед лицом врага, он не мог предвидеть, что его действия могут быть квалифицированы как военные преступления или, что он может подвергнуться уголовному преследованию. Согласно его заявлениям, его осуждение, последовавшее после обретения Латвией независимости в 1991 г., было вызвано скорее политическими соображениями, чем действительным стремлением соблюдения международных обязательств по привлечению военных преступников к уголовной ответственности. Постановлением Палаты от 24 июля 2008 г. Суд пришел к выводу четырьмя голосами против трех, что был нарушен пункт 1 статьи 7 Конвенции (смотрите Информационный бюллетень по прецедентной практике Европейского Суда № 10).

Право – Статья 7: Перед Судом не стояла задача по разрешению вопроса о личной уголовной ответственности заявителя, поскольку это относится к компетенции национальных судов. Его функция заключалась в том, чтобы установить, имелись ли по состоянию на 27 мая 1944 г. чёткие правовые основания для вынесения в отношении заявителя обвинительного приговора, не истекли ли сроки давности для привлечения заявителя к ответственности, и были ли эти преступления предусмотрены законодательством с достаточной степенью доступности и предсказуемости. Поскольку фактические доказательства по делу оспаривались сторонами, Суд начал свой анализ, основываясь на гипотезе, наиболее благоприятствующей заявителю, а именно, что жители деревни были не обычными гражданскими лицами, а «мятежниками» или «гражданскими лицами, участвовавшими в военных действиях».

(а) Уголовная нормативно-правовая база по состоянию на 1944 г. – Заявитель был осужден в соответствии со статьей 68-3 Уголовного кодекса 1961 г. – нормой, внесённой Верховным Советом 6 April 1993 г. Хотя статья 68-3 перечисляла деяния, подпадающие под категорию военных преступлений, она отсылала к «соответствующим конвенциям», дающим точные определения. Соответственно, осуждение заявителя основывалось скорее на международном, чем национальном праве.

Суд сделал обзор международного права по состоянию на 1944 г. Он отметил, что на основании результатов длительного периода кодификации, начавшейся в середине 19 века, Устав Международного военного трибунала в Нюрнберге сформулировал неисчерпывающий перечень военных преступлений, за совершение которых индивидуальная уголовная ответственность сохранялась. В современной доктрине существовало согласие по поводу того, что к тому времени международное право, в частности, Гагская Конвенция и Положения к ней 1907 г., уже дали определение военным преступлениям и предусмотрели уголовное преследование виновных, в связи с этим положения Устава Нюрнбергского трибунала не были положениями, которым придали обратную силу. На всём этом этапе кодификации основным механизмом реализации законов и обычаев войны являлись национальные уголовные суды и военные трибуналы, при этом Преследование военных преступников на международном уровне путём создания международных военных трибуналов было исключением. Соответственно, международная ответственность государств, основанная на договорах и конвенциях, не исключала их

вытекающей из международного обычая обязанности преследовать и наказывать физических лиц за нарушения законов и обычаев войны. Международные и национальные законы служили основанием для преследования и привлечения к ответственности на национальном уровне. В частности, в тех случаях, когда национальный закон не устанавливал конкретные признаки военного преступления, национальные суды могли ссылаться на международное право как основу своих рассуждений. Соответственно, Суд счел, что к маю 1944 г. военные преступления определялись как деяния, противоречащие законам и обычаям войны, и что к тому времени в международном праве были сформулированы основные принципы преследования за их совершение и дан широкий перечень деяний, являющихся военными преступлениями. У государств было, по крайней мере, право (если не обязанность) принять меры по наказанию физических лиц, совершивших эти преступления, в том числе на основании норм об ответственности командиров.

Суд рассмотрел вопрос, имелись ли в 1944 году достаточно чёткие правовые основания конкретных военных преступлений, за совершение которых заявитель был осужден. В свете «двух главных принципов» гуманитарного права, а именно «защиты гражданского населения и гражданских объектов» и «обязанности воздерживаться от причинения излишних страданий участникам сражения», упомянутые преступления включали жестокое обращение и причинение ран и смерти жителям деревни, вероломное причинение ран и смерти, сожжение беременной женщины и нападение на незащищённое селение.

Что касается первого из упомянутых преступлений, учитывая, в частности, статью 23 (с) Положения 1907 г, убийство и жестокое обращение с жителями деревни нарушило основополагающее правило, что враг вне боя – в данном случае невооруженный – подлежал защите. Такие лица не должны были иметь конкретный правовой статус или формально сдаваться в плен. Как участники сражений, жители деревни могли бы также иметь право на защиту как военнопленные, находящиеся под контролем заявителя и его отряда, последовавшее жестокое обращение и быстрая казнь противоречили бы многим правилам и обычаям ведения войны, защищающих военнопленных. Что касается второго преступления, национальные суды обоснованно полагались на статью 23 (b) Гаагского Положения, для отдельного признания заявителя виновным в том, что он причинил ранения и смерть вероломным образом, заставив врагов думать, что они не находятся под угрозой нападения (используя немецкую военную форму противника). Учитывая особую защиту, предоставленную женщинам во время войны еще с Кодекса Либера 1863 г., также имелось приемлемое правовое основание для осуждения заявителя и за третье преступление (сожжение заживо беременной женщины). Наконец, относительно четвертого преступления, статья 26 Положения к Гаагской Конвенции запрещала нападения на незащищенные селения, кроме случаев, когда они «были вызваны крайней военной необходимостью». Не было предъявлено никаких доказательств того, данное исключение было применимо в деле заявителя. Соответственно, Суд согласился, что каждое из этих деяний составляло военное преступление. Как лицо, организовавшее, командовавшее и направлявшее партизанский отряд, который осуществил нападение, заявитель должен был принять ответственность командира за эти акты. В заключение, даже если допустить, что погибших жителей деревни можно было считать «гражданскими лицами, принимавшими участие в боевых действиях», или «лицами, участвовавшими в сражениях», международное право, по состоянию на 1944 г., предусматривало достаточно чёткие правовые основания для вынесения заявителю обвинительного приговора и наказания его за совершение военных преступлений в качестве командира отряда, несущего ответственность за нападение на деревню Малые Баты 27 мая 1944 г. Если же считать жителей деревни «гражданскими лицами», они были бы вправе рассчитывать на ещё большую защиту.

(b) *Применялся ли срок давности к военным преступлениям, в совершении которых обвинялся заявитель* – Преследование заявителя за совершение военных преступлений на национальном уровне в 1944 году потребовало бы от латвийских судов сослаться на положения международного права не только для определения этих преступлений, но и для решения вопроса о том, применяется ли к ним срок давности. Соответственно, национальные сроки давности применению не подлежали. Основной вопрос заключался в том, предусматривало ли международное право срок давности в отношении совершённых заявителем действий в какой-то момент до начала его уголовного преследования. В 1944 году международное право ничего по этому поводу не предусматривало И В ходе последующего развития в нём так и не появилось норм, предусматривающих применение срока давности к военным преступлениям. Соответственно, к совершённым заявителем действиям срок давности не применяется.

(c) *Предсказуемость* – В 1944 году международные законы и обычаи войны сами по себе являлись достаточным основанием для привлечения физических лиц к уголовной ответственности, поэтому тот факт, что национальное законодательство на них не ссылалось в то время, не является решающим. Они представляли собой подробно разработанные *lex specialis*², устанавливающие критерии уголовно наказуемых деяний во время войны И были адресованы в первую очередь вооружённым силам и, в частности, командирам. Учитывая, что заявитель был военным командиром, можно было с достаточными основаниями предположить, что он особенно тщательно подойдёт к оценке опасностей, связанных с операцией в деревне Малые Баты. Даже самое поверхностное размышление позволяло заявителю сделать вывод, что явно незаконный характер убийства жителей этой деревни и жестокого обращения с ними могут являться военными преступлениями, за которые он как командир может лично понести уголовную ответственность.

Суд отклонил довод заявителя, что с политической точки зрения нельзя было предвидеть, что он подвергнется уголовному преследованию, ПОСКОЛЬКУ государство-правопреемник может начать уголовное преследование лиц, совершивших преступления при прежнем режиме, и это будет и разумно, и предсказуемо. При этом суды данного государства нельзя будет упрекнуть в том, что они осуществляют применение и толкование норм права, которые действовали в соответствующий период времени при прежнем режиме, но в свете норм, лежащих в основе всякого правового государства, и с учётом базовых принципов, на которых строится конвенционный механизм защиты прав человека, особенно когда дело касается права на жизнь. Указанные принципы применимы к смене режима такого рода, который имел место после обретения Латвией независимости.

Таким образом, действия заявителя в момент их совершения являлись преступлениями, и эти преступления были с достаточной степенью доступности и предсказуемости определены законами и обычаями войны.

Вывод: нарушение не установлено (четырнадцать голосов против трех).

© Совет Европы/Европейский Суд по правам человека, 2012.

Официальными языками Европейского суда по правам человека являются английский и французский. Суд не несет ответственность за содержание и качество настоящего перевода. Доступ к нему может быть получен через базу данных по прецедентной практике Европейского суда по правам человека HUDOC (<http://hudoc.echr.coe.int>) или любую другую базу данных, для использования в которой Суд его передал. Разрешается воспроизведение настоящего перевода в некоммерческих целях при условии указания полного наименования дела со ссылкой на авторские права. Для целей коммерческого

использования какой-либо части настоящего перевода, пожалуйста, обращайтесь по адресу: publishing@echr.coe.int.

© Council of Europe/European Court of Human Rights, 2012.

The official languages of the European Court of Human Rights are English and French. This translation does not bind the Court, nor does the Court take any responsibility for the quality thereof. It may be downloaded from the HUDOC case-law database of the European Court of Human Rights (<http://hudoc.echr.coe.int>) or from any other database with which the Court has shared it. It may be reproduced for non-commercial purposes on condition that the full title of the case is cited, together with the above copyright indication. If it is intended to use any part of this translation for commercial purposes, please contact publishing@echr.coe.int.

© Conseil de l'Europe/Cour européenne des droits de l'homme, 2012.

Les langues officielles de la Cour européenne des droits de l'homme sont le français et l'anglais. La présente traduction ne lie pas la Cour, et celle-ci décline toute responsabilité quant à sa qualité. Elle peut être téléchargée à partir de HUDOC, la base de jurisprudence de la Cour européenne des droits de l'homme (<http://hudoc.echr.coe.int>), ou de toute autre base de données à laquelle HUDOC l'a communiquée. Elle peut être reproduite à des fins non commerciales, sous réserve que le titre de l'affaire soit cité en entier et s'accompagne de l'indication de copyright ci-dessus. Toute personne souhaitant se servir de tout ou partie de la présente traduction à des fins commerciales est invitée à le signaler à l'adresse suivante : publishing@echr.coe.int.